

Его легко пародировать, но его нельзя повторить

Оставайтесь с Виталием Вульфом

Виталий Вульф верен себе. Свой юбилей он встречает не гдн-буду, а в Америке. Как всегда, весь в делах, планах и поклонниках, которых у него не счесть дома и за океаном. Но там он сейчас выступает с концертами и лекциями, курсируя между Чикаго, Бостоном и Нью-Йорком, а здесь ему бы не избежать юбилейной суеты, торжеств и банкета в Доме актера. Все это заранее наводило на него тоску. "Разве я выгляжу на свой возраст?" — надменным голосом спрашивает он, не оставляя сомнений, что лезть с поздравлениями не надо.

В общем, я и не лезу. Пытаюсь лишь сформулировать несколько разрозненных мыслей, которые едва ли оформятся в приветственный спич. Но не скрою, делать это мне приятно, представляя, как Виталий Яковлевич будет шелестеть газетой, придирчиво рассматривать свою фотографию, оценивать ее соседство с другими на газетной полосе, вникать в каждую строчку, чтобы потом вынести свой строгий вердикт. Из всех знакомых мне людей театра Вульф единственный, кто не станет в такой ситуации принимать скупающую позу, мол, ему давно безразлично, что о нем там пишут и говорят. Вульфу не все равно. И, может быть, это самое важное его качество критика, историка, человека.

Он проживает чужие истории, он открывает забытые имена, он рассказывает о другой жизни так, как будто это было с ним вчера или, по крайней мере, совсем недавно. Его дар рассказчика — это нечто большее, чем только способность к милому table-talk, столь ценимому в прошлые времена салонов и журфиксов. Скорее, это дар перевоплощения. Чувствуется мхатовская школа, чьим верным поклонником он остается до сих пор. Даже заставляя себя казаться максимально сдержанным и ироничным, он не умеет быть равнодушным.

Отсюда бурные и на посторонний взгляд малопонятные страсти, которые сотрясают до сих пор его внешне достаточно упорядоченную, спокойную жизнь уважаемого профессора, доктора наук. Он все время находится с кем-то в сложном и затяжном конфликте. Постоянно проходит через какие-то разрывы и примирения. Он не устает выяснять отношения с ближними и дальними, бросается в бой по первому сигналу и бьется до последнего, особенно, если речь идет о его друзьях или кумирах. Здесь он неумолим. Долг джентльмена от театра заставляет его

Фото В. ПЛЮТНИКОВА

вступить не только за Аллу Тарасову, когда память о великой артистке будет задета глупым выпадом театрального журналиста, но и за полузабытую Екатерину Алексеевну Фурцеву, не побоявшись гнева такого опасного оппонента, как Майя Плисецкая. Он демонстративно выйдет из состава редколлегии влиятельного еженедельника, когда там появится неуважительная статья об Олеге Ефремове. Он будет истово поддерживать Юрия Григорovichа, когда от него отвернется весь балетный истеблишмент. Я не говорю уже о "Современнике", чьим верным рыцарем Вульф является многие десятилетия, отстаивая, прославляя и восхищаясь любимым театром так, будто он сам его основал. Конечно, мотив личных привязанностей и дружеских связей прослушивается довольно легко в его монологах о бродвейских триумфах обожавшей им Марины Нееловой или в восторженных рассказах о том, как невероятно мудра и дальновидна Галина Волчек. Я знаю, что Вульф тут пристрастен. Но это высокая "пристрастность", которая стоит много дороже самой неподкупной объективности, потому что без нее ничего не бывает. Ни театра, ни настоящих отношений, ни любви.

Собственно, весь его "Серебряный шар" на ОРТ — это один бесконечный телесериал о любви, где сюжет разворачивается по одному и тому же знакомому сценарию: успех, триумф, страсть, измена, упадок, смерть. Но потом в царство теней (ЦГАЛИ, ЦГАДА или Госфильмофонд) является он, Виталий Вульф, в образе романтического и всегда немного печального принца, чтобы высвободить

из архивного плена и тьмы свою очередную красавицу, поведать миру ее душераздирающую историю. Так было с Вивьен Ли и Аллой Шелест, Джуди Гарланд и Валентиной Серовой. Ему особенно удавались блистательные и несчастливые женские судьбы, разные "сломанные лилии" и "цветы заподзале". Хотя своей главной героиней он избрал женщину поразительной жизненной силы и стойкости — последнюю великую мхатовку Ангелину Степанову, став ее самым компетентным биографом и самым доверенным консультантом. Он ценит в людях этот особый и редкий дар — "мужество жить", умение хорошо выглядеть, держать спину, никогда не жаловаться, не ныть, скромно и с достоинством нести свой крест, не стараясь переложить его на чужие плечи. Собственно, он и сам так живет. Деятельно, активно, всегда на людях, всегда в форме и... одиноко. При этом напрасно думать, что удел Вульфа — это сплошные мемуары, старые артистки и прогулки по кладбищам. Напротив, он едва ли не единственный, кому, несмотря на почтенный возраст и вызывающе интеллигентский вид, удалось вписаться в молодую команду ВИДа, заняв свою довольно-таки высокую строчку в рейтингах ОРТ. Смею предположить, что произошло это не потому, что не нашлось более просвещенных или более разговорчивых авторов, а потому, что Вульф — это связь времен, продолжение "театрального романа", это голос самой истории, которая говорит с нами сегодняшним понятным языком. Его легко пародировать, но его нельзя повторить. Может показаться старомодным его пафос, но никогда — его искренность.

Теперь он увлечен биографиями великих. Ему самому стало скучновато в компании "звезд, которые не гаснут", поэтому в его сериале появились Уинстон Черчилль, Максим Горький, Марина Цветаева. Надо признать, что, став героями "Серебряного шара", они во многом освободились от надоевших гипсовых масок, сотворенных их биографами, обретая в рассказах Вульфа какую-то неожиданную исповедальную пронзительность. Впрочем, ничего удивительного здесь нет. Может быть, главный талант и предназначение Виталия Вульфа как раз в том-то и состоит, чтобы очеловечивать знаменитые мифы, а заодно вместе с ними и нашу с вами жизнь.

Сергей НИКОЛАЕВИЧ

Культура. 2000. 25-31 мая. — с. 9